

шущей, сварливой” семье свёкра и свекрови, с теплотой вспоминает, как в знак благодарности за вызволение мужа из рекрутчины ей “поклонился... свёкор-батюшка, поклонилась мать-свекровушка, деверья-зятя поклонились, поклонились, повинились!” Женщина готова простить им “обиды смертные” ради сохранения мира в семье.

Но в произведении Некрасова читатель знакомится и с другими семьями. *Учащимся предлагается сравнить жизнь двух помещиков* — Гаврилы Афанасьевича Оболта-Оболдуева (глава «Помещик») и князя Утятина (глава «Последыш»).

Оболт-Оболдуев сожалеет о временах крепостничества, когда помещик, обращаясь к своим крестьянам, мог сказать: “Кого хочу — помилую, кого хочу — казню. Закон — моё желание! Кулак — моя полиция!” Конечно, такая позиция героя главы не может вызвать понимания у читателя, однако “крестьяне добродушные” с интересом слушают исповедь Оболта-Оболдуева в том, что он крестьян “карал — любя”, что бывал “строг по времени, а впрочем, больше ласкою... привлекал сердца”, относился к крестьянам “потечески”.

По признанию помещика, не только жену и детей он считал семьёй, но и своих крестьян: он в пасхальное воскресенье “со всей своею вотчиной христосовался сам”, его домашние, не брезгуя, целовались “с последним мужиком”, разговлялись вместе с крестьянами за одним столом (правда, поэт-демократ с иронией вкладывает в уста Оболта-Оболдуева реплику о том, что после праздничных церковных служб в господских хоромах, где присутствовали — с благоволения хозяев — и крестьяне, “страдало обоняние” и “сбивали после с вотчины баб отмывать полы”; а семеро правдоискателей про себя замечают: “Колом сбивал их, что ли, ты молиться в барский дом?”). Отпуская мужика “с весны... на чужую сторону” для заработков, помещик и его близкие с нетерпением ждали возвращения крестьян с гостинцами, которые те приносили господам добровольно, “поверх барщины, холста, яиц и живности”, беседовали с ними, слушали рассказы “про чужедальны стороны, про Петербург, про Астрахань, про Киев, про Казань”, наливали по чарке. Конечно, здесь звучит ирония: жалея ушедшее время, герой прежде всего тоскует об утраченных привилегиях, однако, повествуя странникам о своей счастливой жизни отца-помещика, заботящегося о крепостных, он абсолютно уверен в своей искренности и правоте. Поэтому *сердобольным правдоискателям жаль зарыдавшего Гаврилу Афанасьевича* — они “чуть тоже не заплакали”, понимая, что порвавшаяся цепь крепостного права ударила “одним концом по барину, другим по мужику!”

Но если Оболту-Оболдуеву крестьяне — по доброте душевной — в чём-то сочувствуют, то к князю Утятину, который, имея “богатство непомерное, чин важный, род вельможеский, весь век чудил, дурил”, *отношение иное*. Этот персонаж главы «Последыш», окружённый “детьми и приживалками”, которых автор поэмы с усмешкой называет “свитой”, на самом деле обречён на одиночество и близкую смерть (о том, что “скончался старый князь”, читатель узнаёт в конце главы). Сыновья, их жёны и дети ублажают выжившего из ума старика, презрительно именуемого крестьянами “Последышем”, только потому, что боятся лишиться наследства. Вся семья Уяттина с нетерпением ждёт смерти некогда могущественного и грозного помещика, а его бывшие крепостные, узнав о смерти тирана и самодура, радостно и облегчённо вздыхают... Не правда ли, Уяттин чем-то напоминает старую барыню из повести И.С. Тургенева «Муму», чей день, “нерадостный и ненастный, давно прошёл”, а “вечер... был чернее ночи”?

Полагаю, что урок, посвящённый анализу “мысли семейной” в поэме «Кому на Руси жить хорошо», можно закончить обращением к главе «Пир — на весь мир», где читатель знакомится с очень интересным персонажем — Григорием Добросклоновым. Для него и его старшего брата Саввушки, сыновей сельского полунещего дьячка и рано умершей батрачки, настоящей семьёй стали жители деревни Вахлачина: именно они, а не “лёгкого нрава” отец, который “весь тратился на поиски, где выпить, где поесть”, “делились хлебушком” с голодными детьми, говорили добрые слова, помогали сиротам, чем могли. Поэтому на пожелание Власа Григорию, талантливому поэту, слагающему песни о народной жизни: “и серебра и золотца... умную, здоровую жену”, юноша “из сердца самого” отвечает: “Не надо мне ни серебра, ни золота, а дай Господь, чтоб землякам моим и каждому крестьянину жилось вольготно-весело на всей святой Руси!” Именно о всеобщем крестьянском братстве, о единой семье угнетённых, для которых заботливой матушкой-кормилицей станет вся Русь, мечтает молодой семинарист. Наивная, неосуществимая, но какая светлая мечта!

Подводя итоги семинара, следует вспомнить, что “мысль семейная” — одна из важных проблем, рассматриваемых в литературе XIX века: ученики уже обращались к творчеству А.Н. Островского («Гроза»), И.С. Тургенева («Отцы и дети»), И.А. Гончарова («Обломов»), им предстоит знакомство с произведениями Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, так что есть достаточное количество литературного материала для продолжения исследования по отмеченной проблеме.